

Баня! Само слово для большинства жителей посёлка, где проживал Колька, звучало уважительно- ритуально, и посещение её было сравнимо со свиданием с седой страной, с её древними обычаями. Тогда она называлась мьельней. Она очищала русских людей от телесной и душевной грязи. Издавна бабки-повитухи в ней принимали роды у женщин и лечили от многих недугов.

Наша лапотная Русь, пропотев за седмицу на работах, в конце её предвкушала насладиться (не то слово – заново родиться!) в обыкновенной деревенской бане...

...Село Рождественка, Колькина отчина, была основана в давнее время, и вместе с построенным первым домом на задах (в конце огорода) была срублена банька. Росло село, прибавлялись люди, ставили избы, и редко у кого перед выходным не закурился весело дымок из банной трубы.

У Колькиных родителей, живших на Южной улице в недавно построенном доме, в конце огорода тоже стояла банька – светлая, просторная. Большая печь из стальных листов, сбоку приварен вместительный бак – карман для нагрева воды, через которую проходила дымовая труба и коленом круто шла в потолок, а дальше через крышу горячий дым и пламя из печи устремлялись в трубу, и намного быстрее нагревали бак с водой, экономя время и топливо.

С двух сторон бак обложили крупными камнями-голышами, обтянутыми проволочной сеткой. Большая мочная, она же парилка с широким полком, где «работают» веником парильщики, и большой лавкой для помывки, куда можно садиться и поставить таз с водой. В углу стоял большой чан с водой и ёмкость для запарки кипятком лечебных трав.

В раздевалке также стояли две широкие лавки, на которых можно было отдохнуть после парной, посидеть, полежать. Два окна: одно в мочной, оно открывалось для выхода угарного газа, а другое в раздевалке для дневного освещения.

Простая деревенская баня, и Колька, будучи мальцом, принимал её как должное. Уже став взрослым, только тогда он понял её подлинную цену – за годы армейской службы, когда их, курсантов, водили строем в общественную баню, где о парной можно только помечтать, так как время на помывку было ограничено.

Позже, мотаясь по «стройкам коммунизма» в таёжных, горных или в тундровых условиях, мылись где и как придётся – в реках, озёрах или посёлковых банях, что встречались на пути. Иногда, когда позволяло время, устраи-

вали праздник: брали у завхоза объёмистый брезент; стягивая, придавали ему форму чана, крепили на жерди и заполняли водой; а сверху ставили палатку, задраивая в ней щели. Рядом, набросав камней-голышей, разводили на них большой костёр и держали его до тех пор, пока они не накалялись, а затем бросали их в «чан» с водой, доводя её почти до кипения. Эта баня служила и парной, и мойкой.

Часто, ох, часто вспоминал Николай тогда свою деревенскую баню, ушедшую в прошлое, посещение которой начиналось с её подготовки. И начинал процедуру его отец Иван Егорович. Первым делом заполнял все ёмкости колодезной водой, затем по лестнице поднимался на чердак дома, где на шестах попарно висели веники. Вовремя заготовленные и правильно высушенные в тени под сквозняком, они до нового сезона оставались зелёными и после запарки кипятком издавали запах зелёного листа.

Достав пару веников, он укладывал их в холодную воду, чтобы они размокли и не потеряли листву. Взяв пару берёзовых поленьев, колот их топором на мелкие щепки, которыми заполнял топку печки, предварительно положив в неё сухую бересту для растопки. Приготовив дрова – «еду для печки», отец уходил.

А ближе к вечеру приходила мать и принималась за уборку: скоблила полы и поливала их водой. Убрав в парилке, принималась за раздевалку. После уборки и мытья, когда всё блестело, словно покрытое лаком, отдавая белизной, она начинала растопку – поджигала бересту; и вскоре пламя, потрескивая, охватывало всю печь и весело гудело, требуя новую порцию поленьев. На смену сухим, подбрасывала полусырые дрова, и раскаленная топка ненасытно поглощала их.

Вода в котле (кармане) начинала слегка покрываться парком и через некоторое время бурлить – булькать. Мать уменьшала подкормку топки, ковшом отливала кипятком в чан, где находились травы, чтобы запарить их.

Когда камни нагревались до «белого каления» и начинали потрескивать и шипеть, если на них нечаянно попадала влага, мать прекращала подбрасывать дрова. И ждала до их полного прогорания, пока золотистая зола не покроется белым налётом пепла. После этого заходила в избу и говорила, обращаясь к мужчинам: «Баня готова, можете идти».

Мужики – отец и его товарищ Илья Платонович (Колькин крестный), забрав сменную одежду, шли в баню. Шествие замыкал Колька. Он не особенно спешил, зная, что его ждёт.

Войдя в предбанник, отец снимал головной убор и почтительно здоровался: «Здравствуй, батюшка банник, дозвожь нам помыться, попариться». И словно получив разрешение, приступал к банному ритуалу: запаривал веники кипятком, процеживал через сито настоящую на травах воду в ёмкость для каменки и для мытья (по желанию) и, открыв форточки на окне, плескал из ковшика кипятком на камни.

Горячий пар наполнял парилку, ураганом носился за ней и устремлялся в форточку, унося с собой остатки угарного газа. После этого, прикрыв форточку, отец плескал на каменку духмяную травяную воду, и несравненный запах трав наполнял парилку, проникая через лёгкие и распаренное тело во все клетки организма, кружа голову. Казалось, что само лето со своими целебными дарами ворвалось в тебя, очищая от всего вредного, ненужного, инородного. Только за это нужно поклоняться деревенской баньке и любить её.

Но это только прелюдия. В головных уборах и рукавичках-голицах, разопрев до обильного пота, мужчины поочерёдно ложились на полок, накрыв голову влажным полотенцем, и один из них, плеснув на каменку ковш-другой и выждав пока прочно устоится пар, начинал работать веником, едва касаясь тела. Начиная с ног, последовательно продвигался выше к пояснице, спине, плечам, постепенно увеличивая «обороты» веника. Тело начинало «зудиться» от жары, требуя добавки.

Медно-красные, с прилипшими к телу листьями, мужчины друг за другом вываливались в предбанник, валились на лавки и некоторое время неподвижно лежали. Немного отлежавшись, наливали в кружки квасу из жбана, припадали к нему, жадными глотками выпивая содержимое, и снова откидывались на полки. Отдохнув, начинали делиться мнениями о сегодняшнем паре.

Затем отец обращался к Кольке, скромно сидевшему на краю лавки: «Пошли!» И тот шёл следом в парную. Там ложился на полком животом вниз и, укутав голову прихваченным полотенцем, обречённо замирая. Отец обливал его с головы до ног тёплой водой и плескал на каменку вдвое меньше обычного. Конечно, он щадил Кольку, но всё равно пар иглами впиался в тело, проникая через полотенце, обжигая уши, руки, ноги.

Подождав, пока с Кольки не потекут ручейки пота, отец добавлял на каменку, прибавляя парку, и начинал слегка обмахивать его веником, нагоняя пар на руки, ноги, спину, всё дальше и больше касаясь тела. Колька вначале терпел, затем начинал подвывать: «Папка, хватит!» Но отец продолжал прогревать его приговаривая: «Терпи казак – атаманом бу-

дешь...». Когда подвывание переходило в рёв, отец проговаривал: «Не выйдет из тебя казака!». И переставал парить.

Намылив Кольку и вехотку дегтярным мылом, он начинал драть его с головы до пят. И, если стояла весеннее-летняя погода, то Колькины пытки продолжались, так как ноги его были облеплены цыпками, словно пни опятами, и мыло, разъедая их, жарило словно крапивой. Плач, рыдания продолжались до тех пор, пока отец, ополоснув его тёплой водой и шлёпнув ладонью по заднице, не произносил: «Беги, одевайся...».

Колька вылетал в раздевалку. Кое-как натянув на себя одежку, бежал в избу, надеясь улизнуть на улицу, но его встречала мать и указывала рукой на табуретку: «Садись!».

Колька покорно ждал, когда мать достанет откуда-то (известно только ей одной) пузырёк с пахучей мазью и начнёт под очередные причитания смазывать ему ноги со словами: «Посиди! На улицу сегодня не пойдёшь». И он опять ждал, пока мазь впитается в его ноги, а затем лёлся на кровать и, едва коснувшись головой подушки, проваливался в глубокий сон.

А в бане, сделав ещё два-три захода в парную и окатив себя ледяной водой, если дело было летом, а зимой ныряя в снег, мужчины блаженствовали.

Вдоволь напарившись и отдохнув, чувствуя лёгкость во всём теле, раскрасневшиеся от парной, они облачались в чистую сменку и, поблагодарив батюшку-банщика, не спеша шли в избу. Там на столе их ожидала запечатанная сургучом четвертинка водки, нехитрая закуска и уютно напевающий самовар.

А мать с тётей Груней – женой Ильи Платоновича, забрав с собой Колькину младшую сестрёнку Тамару, шли на второй пар, которого было в избытке.

Пройдёт много лет, и «дедуля», как ласково зовёт бывшего Кольку его внук, заходя в протопленную баньку на своём садовом участке, почтительно произносит: «Здравствуй, хозяин, батюшка-банщик, дозвожь помыться, попариться»... И мысленно получив разрешение, приступает к тем старинным ритуалам, которые соблюдали его прадеды, деды, отец, которые чтит он и будет чтить его внук Ярослав. С таким же почтением переступает порог бани его жена Вера, следуя обычаю и зову души.

Вдоволь насладившись дубовым и берёзовым веником, сидя за столом с душистым травяным чаем, они вспоминают свои молодые годы, когда впервые переступили порог своей деревенской бани, вкусили и познали пользу целебных трав и берёзового веника, вкусили дух и запах старины. Этот русский дух – дух деревенской бани!